

История потерянного во мраке

Anton Zakatov

История потерянного во мраке

«Автор»

2026

Zakatov A.

История потерянного во мраке / A. Zakatov — «Автор», 2026

Может вам понравится, это лит РПГ где Макс, обычный служащий по контракту погибает и оказывается в совершенно новом месте, и тут начинается совершенно другая история .

© Zakatov A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Anton Zakatov

История потерянного во мраке

Глава 1

ДОСПЕХ БЕЗДНЫГлава 1. Тьма, которая думала, что она — адКровь была тёплой. Это было единственное, что Макс ещё чувствовал ясно — тепло, вытекающее из него быстрее, чем билось сердце. Он лежал на спине, среди щебня и обгоревшей арматуры, и небо над ним было неправильного цвета — не серым, не голубым, а каким-то ржавым, будто кто-то долго тёр его наждачной бумагой. Где-то далеко ещё стреляли. Звук доходил приглушённо, через вату, которая, казалось, набилась не только в уши, но и во всё тело. «Двадцать лет», — подумал он, и мысль показалась ему смешной. Не трагичной, не страшной — просто смешной, потому что двадцать лет назад никто не спрашивал у него, хочет ли он их прожить именно так. Позывной у него был дурацкий — Клякса, потому что в первую же неделю он умудрился разлить чернила от маркера прямо на карту в штабной палатке. Его беззлобно гнобили за это ещё месяц. Сейчас, когда он лежал и слушал, как собственная кровь чавкает под лопатками, воспоминание об этой глупой карте почему-то было самым ярким из всех, что всплывали. Он попытался поднять руку — прижать её к боку, где что-то рвануло полминуты назад, где-то между рёбрами, — но рука не слушалась. Слушалось только дыхание, и то через раз. — Держись, — сказал кто-то рядом, и голос был знакомым, но Макс не мог вспомнить чей. — Держись, сейчас будет вертушка, слышишь? Клякса, слышишь меня? Он хотел ответить, что слышит, но вместо этого во рту оказалась кровь — солёная, металлическая, будто он лизнул батарейку. Небо ржавого цвета начало темнеть по краям, как будто кто-то медленно закрывал диафрагму старого фотоаппарата. Голос рядом продолжал что-то говорить, но слова уже не складывались в смысл, оставался только ритм — тревожный, рваный, как и всё вокруг. Последней связной мыслью было: «Странно, совсем не больно». А потом не осталось даже света — только сужающаяся точка, а за ней темнота, в которую он влетел, как в стену, не успев даже испугаться. Тьма поглотила его целиком, без остатка. И тьма эта не была смертью. Тьма эта была началом. IПервое, что вернулось к нему, — не зрение, не слух, не боль. Первым вернулось осознание, что он существует. Голое, лишённое всякой опоры «я есть», подвешенное в абсолютной черноте, без верха и низа, без времени. Он попытался открыть глаза — и понял, что не знает, есть ли у него глаза, чтобы их открывать. «Это ад», — была первая связная мысль, и она показалась ему настолько логичной, что он долго — как ему казалось, очень долго — не пытался её оспорить. Ад ведь и должен быть таким: чернота без края, без звука, без тела, в которой ты просто есть, и всё. Никаких чертей с вилами, никакого огня — просто вечное ничто, в котором сознание существует само по себе, как лампочка без патрона. Он попытался закричать. Не получилось — не было рта, не было воздуха, не было лёгких, которые можно наполнить и вытолкнуть из них звук. Была только мысль о крике, беззвучная, разбивающаяся о черноту, как капля о стекло. Сколько прошло времени, он не понимал. Час? День? Год? Без ощущения тела, без смены света и тьмы (потому что тьма была всем, что было), время потеряло привычную структуру. Оно то тянулось нитью, то вовсе исчезало, то вдруг сжималось в один долгий бесконечный миг паники. Сначала он пытался считать. «Один, два, три...» — но не за что было зацепиться, не было ни секунд, ни ударов сердца, которое отсчитывало бы ритм. Цифры расплзались, терялись, и в какой-то момент он понял, что не помнит, досчитал ли до тысячи один раз или сто. Потом пришли воспоминания — сначала как спасение, потом как пытка. Он проживал заново тот день на карте с чернилами, вечера с друзьями, лицо матери в дверях, когда он в последний раз уходил из дома. Прокручивал их снова и снова, как заезженную плёнку, находя всё новые

детали, которые, казалось, раньше не замечал: цвет обоев на кухне, скрип половицы у порога, интонацию, с которой мать сказала «звони». А потом кончились и воспоминания — то есть не кончились, а стали пресными, будто их пересматривали слишком много раз, и цвет стёрся, как с фотографии на солнце. И тогда пришло безумие. Не сразу, не единым ударом — оно подтачивало исподволь, как вода подтачивает камень. Сначала — мелкое раздражение оттого, что нельзя моргнуть. Потом — паника оттого, что нельзя вдохнуть. Потом — тупое, вязкое отчаяние, которое было хуже всего остального, потому что не имело ни начала, ни конца, только длилось и длилось. «Это ад, — думал он снова и снова. — Меня наказывают. За что-то там, на войне, за что-то, чего я не помню, а может, и не за что-то конкретное — просто такова цена, просто так оно работает». Он не знал, сколько раз повторил эту мысль, прежде чем она начала трескаться. Потому что где-то на дне этого безумия, там, где сознание уже почти растворилось в собственном отчаянии, он начал замечать: тьма — не совсем однородна. III Сначала это было похоже на то, как в комнате с закрытыми глазами всё равно чувствуешь, где стена, а где открытое пространство — не видишь, но знаешь. Так и здесь: в какой-то момент (снова невозможно сказать, когда именно — после вечности или после мгновения) Макс начал ощущать некую форму вокруг того, что осталось от его «я». Форму, у которой были грани. Он словно был вписан во что-то — не в тело, нет, в теле давно уже не было нужды, — а в структуру, в оболочку, у которой были плечи, пусть и не такие, как у человека, была грудь, были некие подобия рук, вытянутых вдоль боков, было нечто вроде шлема там, где полагалось быть голове. «Я не в аду, — подумал он с ужасом, который был почти облегчением, потому что хоть какая-то мысль наконец не крошилась в труху. — Я во что-то... одет. Я — во что-то заключён». С этим осознанием пришло и другое, куда более странное: он чувствовал энергию. Не свет, не тепло — энергию, густую, тёмную, вязкую, как смола, текущую по контурам того, во что он был заключён. Она не жгла и не холодила — она просто была, пульсируя медленно, будто нехотя, как кровь в теле, впавшем в спячку. Он попытался пошевелить тем, что могло бы быть рукой. Ничего не произошло — по крайней мере, ничего, что он мог бы почувствовать снаружи. Но внутри, в той тёмной вязкой массе, что оплетала его, что-то дрогнуло, будто рябь пробежала по поверхности застоявшейся воды. «Значит, я могу двигать этим. Просто... ещё не знаю как». Эта мысль стала первым якорем за долгое-долгое время. Первым, за что можно было зацепиться и не соскользнуть обратно в вязкое ничто безумия. Он начал учиться — медленно, как учится ходить ребёнок, только у него не было ни ног, ни инструктора, ни примера для подражания. Он пробовал напрячь то, что ощущалось как плечи, — и чувствовал, как густая тёмная сила отзывается, стекается туда, куда он её звал, будто послушная, но очень медлительная жидкость. Сколько прошло времени на эти уроки самому себе — он снова не знал. Знал только, что за это время он перестал думать об аде. Ад не учит ничему. Ад просто есть. А то, что происходило с ним, — училось, менялось, откликалось. «Значит, это не наказание, — решил он однажды (в какой из вечностей — не важно). — Это что-то другое». Он не знал, что именно. Но впервые за долгое время в этой мысли не было отчаяния — было любопытство. Слабое, придавленное грудой пережитого ужаса, но живое. И тьма — тьма вокруг него, тьма, что была им, — казалось, тоже что-то почувствовала. Будто где-то на самой границе восприятия скользнула искра узнавания: он не первый, кто пробуждается здесь. Он не первый, кто учится. Просто — первый за долгое, долгое время. IV Он не знал, что стал одним из Тварей Бездны. Не знал, потому что никто не объяснил ему правил этого мира, никто не выдал справочник с картинками, никто не сказал: «Слушай, парень, ты умер от потери крови на своей войне, а здесь, в другой реальности, есть существа, которые приходят из некоего места под названием Бездна, и их единственная цель — разрушение, потому что так уж они устроены на самом глубоком, сущностном уровне. Ты теперь один из них. Просто тебе повезло — или не повезло, это как посмотреть, — стать не диким чудищем, воющим в ночи, а кое-чем другим: артефактом. Живым доспехом. Тюрьмой и оружием одновременно». Никто ему этого не сказал. Но по крупицам, по обрывкам, по тому,

как густая тёмная сила отзывалась на его мысли, будто на команды, он начал складывать картину сам. Он не был мёртвым человеком, застрявшим в чистилище. Он был чем-то новым — сознанием, которое когда-то было Максом, вплетённым в оболочку из мрака и силы, оболочку, которая, судя по всему, представляла собой немалую ценность, раз кто-то (или что-то) сочло нужным спрятать её здесь, глубоко под землёй, в месте, которое его смутное, только формирующееся чутьё называло данжем — подземельем, лабиринтом, ловушкой для тех, кто рискнёт спуститься слишком глубоко. Он не видел стен этого подземелья. Он их чувствовал — как давление, как границу, за которую густая тёмная сила не могла просочиться, как бы он ни пытался расширить её. Камень, толща земли, века неподвижности. Сколько он пролежал здесь один, окружённый только собственным пробуждающимся сознанием и медленно откликающейся тьмой? Годы. Он был почти уверен — годы. Не потому что мог их сосчитать, а потому что учился слишком многому, слишком постепенно, чтобы это уложилось в меньший срок. Он научился чувствовать плечи, руки, что-то вроде хребта. Научился ощущать, где заканчивается доспех и начинается пустота вокруг. Научился — хотя это далось труднее всего — не сходить с ума от одиночества, превратив его в подобие медитации, в бесконечную внутреннюю работу. Он даже придумал себе имя для того, во что превратился, хотя и знал, что это по-детски: Клетка. Не в смысле тюремной решётки — в смысле живой клетки, единицы чего-то большего, спящей до времени, ждущей своего часа. Он не знал, что часу этому суждено настать благодаря существу, которое меньше всего было похоже на спасителя. Асур ненавидел разведочные рейды в Нижние Ярусы. Не потому что боялся — страх, как ему казалось, давно выгорел в нём, как выгорает лишний жир на огне, оставляя только мышцы и хитин. Он ненавидел их, потому что они были унижительны. Низкоранговых всегда посылали туда, куда не хотели идти те, кто рангом выше, — в сырые, обвалившиеся коридоры, где пахло плесенью и старым камнем, где из темноты то и дело выскакивали слизи размером с голову, а порой — кое-что похуже. Асур был воином. Богомол-воин, как называли таких, как он, в Нивфравлере — континенте Четвёртого Чертога, подземном царстве, где обитали низшие. Тело его было живым свидетельством того, насколько причудливо здесь могла обходиться природа — или что бы там ни лепило существ этого мира из плоти и хитина: две ноги, крепкие и пружинистые, как у богомола, обтянутые тёмно-зелёным панцирем; две руки, заканчивающиеся не человеческими пальцами, а острыми серповидными отростками, способными полосовать камень; голова, вытянутая, треугольная, с фасеточными глазами, отражавшими даже самый слабый свет тысячами крохотных бликов; и что-то неуловимо человеческое в осанке, в том, как он держал спину прямо, как замирал перед прыжком, оценивая, взвешивая, — то, чего не было у обычных богомоллов и муравьёв, чьи гены, по слухам, послужили основой для его вида. Химера. Так их называли те, кто был рангом выше, — с презрением, но и с осторожностью, потому что химеры Нивфравлера были опасны именно этим смешением: муравьиной выносливостью, богомольей скоростью удара и человеческим — или почти человеческим — умом, способным на хитрость, на расчёт, на то, что просто зверю было бы недоступно. Асур был низкоранговым. Это слово царапало его сильнее, чем любой из шрамов на панцире. Низкоранговый — значит, посылают в такие вот рейды, в грязные тоннели под тоннелями, искать что угодно, что можно принести наверх и обменять на крохи признания. Низкоранговый — значит, старшие смотрят сквозь тебя, будто ты не более чем инструмент, деталь механизма, которую не жалко сломать. «Но это не будет длиться вечно», — думал он, пробираясь по узкому лазу, освещая себе путь тускло горящим кристаллом, зажатым в серповидном отростке. Пламя кристалла давало ровно столько света, чтобы не расшибить голову о низкий свод, и не больше — экономия была законом жизни в Нижних Ярусах. Он спускался уже третий день. Обычный рейд занимал день, максимум два, но Асур упрямо шёл дальше, туда, куда другие низкоранговые предпочитали не соваться — не потому, что там было опасней, а потому, что там было темнее, глуше, безнадежнее. Именно там, рассуждал он, есть шанс найти что-то, что действи-

тельно изменит его положение. Что-то редкое. Что-то, что заставит старших взглянуть на него не как на расходный материал. Тоннель вильнул, спустился ещё ниже, и воздух стал плотнее, застойнее — запах вековой пыли смешался с чем-то ещё, чем-то, что Асур не мог сразу опознать. Не гниль, не сырость — что-то другое, металлическое и одновременно едва уловимо живое, будто в воздухе растворилась капля крови, простоявшая тысячу лет. Фасеточные глаза Асура дрогнули, вбирая слабый отблеск кристалла, отражённый от чего-то впереди — гладкой, тёмной поверхности, слишком правильной формы, чтобы быть обычным камнем. Он замер, как замирает богомол перед прыжком, — весь превратившись в напряжённое внимание. VI То, что лежало в конце тоннеля, в небольшой круглой полости, будто специально вырезанной в толще камня, действительно напоминало доспех. Асур приблизился медленно, держа кристалл перед собой, и чем ближе он подходил, тем яснее становились очертания: нагрудник, выточенный будто из густого застывшего дыма, но твёрдый на вид, с проступающими на нём линиями, похожими на вены, в которых что-то — Асур готов был поклясться — слабо, едва заметно пульсировало. Наручи, поножи, шлем без забрала, но с прорезями, напоминающими сомкнутые глаза. Всё это было чёрным, но не мёртвым чёрным — чёрным, в котором, если приглядеться, плавали тени ещё более глубокого мрака, будто доспех был выкован не из металла, а из сгущённой тьмы, которую заставили держать форму. Асур слышал байки о подобных находках. Легенды, что ходили среди низкоранговых шёпотом, у костров из тлеющих грибных спор: о доспехах Бездны, оставленных существами, что приходили из-за грани миров, существами, чья единственная природа — разрушение. Одни говорили, что такие доспехи проклятые и убивают всякого, кто их наденет. Другие — что они дают силу, которая недоступна даже старшим рангом. Асур не был уверен, во что верить. Но он был уверен в одном: даже если это ловушка, даже если это будет стоить ему жизни, — упускать такую находку было хуже, чем умереть низкоранговым. Он протянул серповидный отросток и коснулся нагрудника. Тьма под его прикосновением дрогнула — так дёргается кожа животного, когда её касается муха. Асур отдернул руку, замер, ожидая нападения, ловушки, вспышки боли. Ничего не произошло. Только слабая, едва слышная пульсация в венах доспеха, казалось, ускорила на мгновение — и снова успокоилась. «Оно живое, — подумал Асур с холодком, пробежавшим по хитину. — Или было живым. Или...» Он не находил подходящего слова. Но жадность — или, если называть вещи иначе, отчаянная, выстраданная годами унижений решимость изменить свою судьбу — оказалась сильнее осторожности. Асур опустился на колени рядом с доспехом и начал его надевать. VII Внутри своей тьмы Макс почувствовал прикосновение раньше, чем понял, что это значит. Сначала — лёгкая дрожь снаружи, там, где заканчивалась его новая, всё ещё не до конца понятая оболочка. Потом — нечто вроде давления, будто кто-то настойчиво пытался втиснуться внутрь пространства, которое Макс уже начал считать своим, единственным, что у него осталось. Паника, знакомая, из первых дней — или лет? — пробуждения, вспыхнула снова, но теперь Макс был не тем, кем был тогда. Он умел удерживать себя. Умел не тонуть в первой же волне ужаса. «Кто-то есть, — подумал он, вслушиваясь в это давление всем, что было у него вместо чувств. — Кто-то нашёл меня». Давление усилилось. Что-то — руки? лапы? — обхватило нагрудник, потянуло, повернуло. Макс ощутил, как густая тёмная сила внутри него отозвалась сама, без его команды, будто узнавая нечто знакомое, будто выполняя древний, вписанный в самую суть доспеха ритуал: раскрыться, принять, впустить. Он попытался воспротивиться — рефлекторно, как человек отдёргивает руку от огня, — но тьма не слушалась его в этом. Она хотела впустить. Она была создана, чтобы впускать. А потом — рывок, будто перевернули мир, и на мгновение Макс ощутил абсолютную, оглушающую пустоту, хуже той, из первых часов после пробуждения, — будто его вытолкнули на самый край собственного существования. И тут же — вспышка. Не света. Чего-то иного. VIII Первое, что он ощутил, когда пустота отступила, — не было зрением в привычном смысле. Это было нечто иное, странное и в то же время до боли узнаваемое: будто он вдруг обрёл способность видеть саму суть вещей, минув

их поверхность. Контур тоннеля перед ним не был камнем — он был потоком, тусклым, медленно струящимся сиянием, будто сама порода дышала слабой, застоявшейся маной. Стены светились тускло-серым, где-то с прожилками синеватого отблеска — вероятно, там, где залежали какие-то руды или кристаллы. А в центре всего этого, ближе всего к нему, — точнее, к тому, чем он теперь был, — пылало нечто яркое, сложное, многослойное: переплетение линий, узлов, потоков энергии, складывающееся в форму, в которой Макс не сразу, но узнал существо. То самое, что коснулось его снаружи. Он видел его не глазами — глаз у него, кажется, по-прежнему не было, — а через ману, через ту самую густую тёмную силу, что была вплетена в его оболочку и теперь, кажется, дотягивалась дальше, ощупывая пространство вокруг подобно тому, как слепец ощупывает комнату тростью, только куда изящнее, куда обширнее. Существо — то, что теперь носило его, — было странным нагромождением форм. Две ноги, согнутые не по-человечески, скорее как у кузнечика перед прыжком. Две руки, заканчивающиеся серпами. Голова — вытянутая, узкая, с проблесками фасеточных глаз, светившихся в мана-зрении Макса десятками крохотных огоньков. «Не человек, — подумал он с той смесью ужаса и зачарованности, что бывает, когда сталкиваешься с чем-то, для чего у тебя просто нет слов из прежней жизни. — Даже не животное. Что-то... собранное». Существо задвигалось — неуверенно, будто пробуя новые ощущения, точно так же, как когда-то, целую вечность назад, пробовал двигаться сам Макс. Он почувствовал, как оно поднимает то, что теперь было его — их общими — руками, разглядывает их, сгибает пальцы, серповидные отростки, торчащие из наручей. А потом Макс услышал голос — не через уши, которых не было, а будто через саму густую тьму, вибрацию, что доспех улавливал напрямую. — Работает, — произнёс голос, низкий, скрежещущий, с потрескивающими, похожими на щёлканье жвал звуками между слов. — Оно... работает. Голос принадлежал существу. Голос принадлежал тому, кого — как Макс узнает совсем скоро — звали Асур. IX Первые часы — или дни, Макс уже давно перестал доверять собственному чувству времени — были для него настоящим откровением после стольких лет немом одиночества. Он наблюдал за Асуром так, как ребёнок наблюдает за миром из окна машины: жадно, впитывая каждую деталь, потому что каждая деталь была первой за целую вечность. Асур двигался по тоннелям уверенно, но настороженно — Макс это чувствовал не столько по картинке, сколько по тому, как густая тёмная сила его — их? — доспеха реагировала на резкие всплески чего-то похожего на страх, тут же гасимые холодным, тренированным самоконтролем. Богомол-хи́мера останавливался у развилок, поводя вытянутой головой, будто прислушиваясь не ушами, а всем телом; иногда касался серповидным отростком стены, будто снимая с камня какую-то невидимую Макс информации. Он говорил сам с собой — негромко, отрывисто, скорее по привычке, чем в надежде на ответ. — Нужно выбраться наверх, — бормотал Асур, поднимаясь по крутому, осыпающемуся склону. — Показать. Пусть Гнилозубый подавится своим презрением. Пусть все они подавятся. Макс не знал, кто такой Гнилозубый, но по тому, с какой злостью — почти физически ощутимой в потоках тёмной силы — было произнесено это имя, догадался: кто-то из старших, кто-то, кто унижал Асура достаточно долго, чтобы это въелось глубже панциря. Он начал понимать структуру мира по крупницам — так же, как когда-то по крупницам понимал структуру собственного нового тела. Асур то и дело упоминал слова, которые ничего не значили для Макса, но постепенно складывались в подобие карты: «Нижние Ярусы», «Верхние Гнёзда», «Совет Панцирных», «ранги» — от Личинки, самого низкого, до Королевского Жала, самого высокого, о котором Асур говорил с почти священным трепетом. Нивфравлер. Так называлось место, откуда был родом Асур, — подземное царство, целый континент, погребённый под каменными сводами, населённый существами, которых на общем языке (если он вообще был здесь общим) называли просто низшими: не потому что они были слабы — среди них попадались твари, способные обрушить гору, — а потому что их царство лежало в самом низу иерархии миров, в Четвёртом Чертоге. Слово «Чертог» Макс тоже не сразу понял, но постепенно, из обрывков бормотания Асура, сложил

картину: миры этой реальности не были едины — они были разделены на некие великие подоби́я ярусов или залов, каждый из которых представлял собой отдельный континент со своими законами, своими народами, своей близостью или удалённостью от той самой Бездны, что породила самого Макса в его нынешнем облике. Четвёртый Чертог — Нивфравлер, подземное царство низших. А выше — Макс это тоже скоро узнает — лежал Третий Чертог. На пятый — или, возможно, седьмой, Макс сбился со счёта — день пути Асур наконец выбрался туда, где тоннели расступались, открывая взгляду (точнее, мана-чувству Макса) огромную пещеру, испещрённую переходами, факелами из тлеющих грибов и голосами. Множеством голосов. Это был перевалочный пункт — что-то вроде рынка или узла путей, где сходились Нижние Ярусы Нивфравлера с чем-то, лежащим выше, ближе к поверхности. Здесь толпились существа самых разных форм: кто-то мелкий, суетливый, похожий на крысу, вставшую на задние лапы, кто-то громоздкий, покрытый костяными пластинами, кто-то — Макс с содроганием отметил это — почти неотличимый от человека, если бы не лишняя пара рук или неестественно вывернутые суставы. Но внимание Асура было приковано не к своим соплеменникам. У одной из дальних стен, там, где тоннель расширился в подобие естественных ворот, укреплённых грубо отёсанным камнем, стояла группа существ, разительно отличавшихся от прочих обитателей пещеры. Их было четверо. Первый — высокий, широкоплечий мужчина в потёртой, но добротной броне, с мечом за спиной и лицом, изборождённым шрамом через бровь. Второй — женщина, невысокая, гибкая, с заострёнными, чуть покрытыми мехом ушами, торчащими из-под капюшона, и хвостом, обёрнутым вокруг пояса, точно живой пояс сам по себе. Третий — сторбленный, немолодой, в длинной хламиде, с посохом, увенчанным потускневшим кристаллом. Четвёртый держался чуть позади, крупный, широкий в кости, с чем-то вроде рогов, выступающих из-под капюшона. Люди. И — как понял Макс, вглядываясь мана-зрением в потоки энергии вокруг существа с хвостом и ушами — не совсем люди. Полузвери. Асур замедлил шаг, но не остановился. Макс почувствовал, как в нём поднимается волна расчётливого напряжения — не страха, нет, скорее оценки, взвешивания рисков и выгод, свойственного тому, кто слишком долго был вынужден выживать хитростью там, где не хватало грубой силы. — Авантюристы, — пробормотал Асур почти беззвучно, обращаясь скорее к себе, чем к кому-либо. — Из Сагираники. Далеко же их занесло. Сагираника. Ещё одно новое слово, но на этот раз оно прозвучало иначе — не с тем инстинктивным презрением, с каким Асур поминал старших своего вида, а со сложной смесью любопытства и настороженности, как говорят о чужой, далёкой, но по-своему грозной земле. Широкоплечий мужчина со шрамом первым заметил приближение химеры. Его рука тут же легла на рукоять меча — не выхватывая его, но явно готовая к этому в любой момент. — Стой на месте, богомол, — произнёс он на языке, который Макс, к своему изумлению, понимал так же ясно, как русский. — Мы не за твоей шкурой пришли. Но и в спину получать не собираемся. Асур остановился, выпрямившись во весь свой немалый рост, серповидные отростки чуть разошлись в стороны — жест, который Макс, наблюдая изнутри, уже научился читать как демонстрацию отсутствия немедленной агрессии, но и не покорности. — Я тоже не искал встречи с людьми Сагираники, — ответил он, и в скрежещущем голосе прозвучали нотки, которые Макс определил бы как настороженную гордость. — Здесь общая земля. Нейтральный узел. Даже низкоранговый вроде меня знает правила. Женщина с ушами и хвостом чуть склонила голову набок, разглядывая Асура — а вместе с ним и доспех, надетый на нём, — с неприкрытым, острым интересом. — Гарольд, — произнесла она, обращаясь к мужчине со шрамом, но не сводя взгляда с Асура, — посмотри на его броню. И Внутри своей тёмной оболочки Макс ощутил, как резко изменилась плотность внимания вокруг него — все четверо, все эти незнакомые существа с континента, называемого Сагираникой, теперь смотрели на него. Точнее, на доспех, который был им. — Хм, — пробормотал старик с посохом, прищурившись так, что глаза почти утонули в сети морщин. Его собственная мана — Макс уже начинал различать эти потоки, эти отпечатки силы у разных существ

— колыхнулась, потянулась вперёд, ощупывая нагрудник доспеха на расстоянии, будто невидимой рукой. — Интересно. Весьма интересно. — Что там, дед? — спросил рогатый, до этого молчавший. Голос у него был низким, гулким, будто шёл из глубокой пещеры внутри груди. — Тьма, — коротко ответил старик. — Не простая тьма. Плотная. Живая. — Он бросил взгляд на Гарольда, и в этом взгляде читалось предупреждение. — Я бы посоветовал быть осторожнее. Гарольд не убрал руки с меча, но и не вытащил его — только чуть сместился, разворачиваясь так, чтобы держать Асура и себя, и своих спутников в одном поле зрения. — Богомол, — сказал он, обращаясь напрямую к Асуру, — откуда у тебя эта броня? Асур помедлил — Макс почувствовал эту паузу как всплеск быстрых, лихорадочных расчётов внутри доспеха, будто химера прикидывала, солгать или сказать правду, и что из этого выгоднее. — Нашёл, — ответил он наконец, коротко и без затей. — В Нижних Ярусах. В старом гроте, куда никто из моих не спускался поколениями. — Просто нашёл, — с сомнением повторила женщина с хвостом, и в её голосе прозвучала лёгкая насмешка. — Доспехи Бездны просто так на дороге не валяются, дружок. Асур напрягся — Макс почувствовал это яснее, чем что-либо до сих пор, потому что напряжение это отдалось прямо в его собственное, слитое с существом сознание: волна отрицания, инстинктивная, почти детская. Слова «доспех Бездны» явно означали для Асура нечто большее, чем просто редкий трофей. — Бездны? — переспросил он, и в вопросе была неуверенность пополам со страхом. Старик со посохом покачал головой, и в этом жесте была не насмешка, а нечто похожее на сочувствие — сочувствие существу, которое случайно нашло себе судьбу куда более тяжёлую, чем ожидало. — Ты не знаешь, что надел на себя, дитя, — произнёс он тихо. — Броню Бездны находят раз в несколько поколений, и обычно те, кто её находит, либо становятся чем-то куда большим, чем были, либо перестают быть вообще хоть чем-то. Радуйся, что ты ещё разговариваешь и мыслишь связно. Это уже добрый знак. Слова старика упали в наступившую тишину пещеры-развилки, как камень в неподвижную воду, и Макс, слушая их изнутри собственной — теперь, кажется, и вправду навсегда общей с Асуром — тьмы, впервые за долгое время почувствовал нечто похожее на холодное, отрезвляющее понимание собственного положения. Он не был проклятием, брошенным на дно мира по ошибке. Он был кем-то — или чем-то, — за кем охотились. Кем-то, чья цена измерялась не деньгами, а тем, что старик со шрамом на слишком многое повидавшем лице назвал коротким, тяжёлым словом: судьба. И судьба эта — судьба доспеха, судьба Асура, а теперь, хочет он того или нет, и судьба самого Макса, — только начиналась. Конец первой главы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.